

УДК 330

ПРОТИВОРЕЧИЯ, ЦЕЛИ, СУБЪЕКТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИННОВАЦИЙ

*В. В. Броницкая, кандидат экономических наук, доцент
Национальный университет
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»*

Инновации в силу ограниченности человеческих знаний могут вызывать непредвиденные последствия. Необходимо влиять на социально-экономическую структуру общества с целью предупреждения негативных последствий инноваций.

Ключевые слова: инновации, противоречия, модернизация, ноосферизм.

Постановка проблемы. Модернизация, о которой активно говорят во властных структурах как России, так и Украины, предполагает значительные изменения в сфере общественного воспроизводства, и в материальном, и в духовном производствах. Изменения должны быть сопряжены с возрастанием реальных, имеющих очеловечивающий, социальный, охранительный и экологический характер инноваций, с созданием и развитием (актуализацией) институциональной среды, их формирующей, среды и системы институтов, исследующих последствия инноваций, активно способствующих продвижению инноваций, прошедших соответствующие социальные и гуманитарные фильтры, их скорому внедрению.

Однако если даже допустить, что в государстве заявление о модернизации имеет не декларативный характер и политической воли хватит, чтобы преодолеть транснациональное давление в лице МВФ, ВТО и других субъектов, явно не заинтересованных в развитии постсоветского пространства, исследование рисков, связанных с переходом к инновационной модели развития, необходимо осуществлять обязательно.

Анализ последних исследований и публикаций. Имеется значительное количество работ, в которых риски инноваций исследуются скорее на микроуровне и в значительной степени в связи с возможными прибылями от внедрения инноваций. Что касается авторов, исследующих последствия технологического прогресса, риски и угрозы инноваций, осуществляемых в условиях глобализма транснационального капитала, особенности развития современного духовного производства, то в первую очередь следует выделить Ю. Осипова, А. Бузгалина, Л. Булавку, А. Субетто, К. Петрова, А. Панарина, В. Кутырева и др.

Однако, несмотря на комплексные, системные и глубокие исследования в этой области, общественные трансформации создают новые предпосылки для обнаружения ранее не исследованных проблемных полей.

Формулирование целей. Цель статьи — охарактеризовать общие основы институциональной среды инноваций в условиях глобализации и определить социально-экономические, экологические и духовные риски инноваций.

Изложение основного материала. В первую очередь необходимо поставить вопрос о том, с какой целью осуществляются инновации и на что они направлены. Во-первых, целью инноваций для производства (материального, духовного и виртуального, включенного и в то, и в другое, и составляющего подавляющую часть финансового сектора) в первую очередь в рыночной экономике является тактическое или стратегическое получение прибыли, а для создателя инноваций в этой ситуации — интеллектуальной ренты. Каким образом возможно извлекать прибыль и интеллектуальную ренту, удовлетворяя, развивая и поощряя какие индивидуальные и общественные потребности, зависит от огромного количества факторов: сложившейся социально-экономической системы, уровня и направления развития, роли государства в процессе глобализации, общественного и государственного контроля, ценностей, доминирующих в обществе, и т. д. Во-вторых, инновации сопряжены с рисками, даже если предположить, что они осуществляются с изначально благими намерениями в государстве, имеющем антропоцентричную ценностную установку развития, занимающем устойчивую сильную позицию в процессе глобализации. Государств, соответствующих всем этим условиям в полной мере, пожалуй, нет. С этих позиций, т. е. с позиций отсутствия и реальной ценностной установки развития, и лидирующих позиций в процессе глобализации ситуации в Украине и России являются очень схожими. Они характеризуются значительным внешним давлением, препятствующим становлению инновационной модели, отсутствием национальной элиты как сильного субъекта, способного противостоять власти транснационального капитала, отстаивая интересы народа, преобладанием спекулятивного капитала и ориентацией бизнеса преимущественно на спекулятивные цели. Кроме того, духовное неблагополучие общества, атомизация, доминирование вмененных, извращенных, чуждых человечности ценностей, идущих вразрез с сущностными глубинными ценностями народа, закреплёнными в коллективном бессознательном, ограничивает возможность создания и внедрения созидательных инноваций. В целом очеловечивающий или расчеловечивающий характер инноваций связан с функционированием духовного производства как одной из сфер

общественного воспроизводства по принципу голографичности, отражающем общественное воспроизводство в целом, что и обуславливает риски. Наряду с масштабом инноваций (от микроинноваций до эпохальных, приводящих к смене технологического уклада) в зависимости от целей их создания, характера и сферы влияния на человека можно классифицировать как биоочеловечивающие, социоочеловечивающие, духовноочеловечивающие и аналогично — биорасчеловечивающие, социорасчеловечивающие и духовнорасчеловечивающие. Современная стадия капитализма, представленного взаимодействием своих обликов — культурного, презентуемого постмодерном, и социально-экономического, представленного глобализмом транснационального капитала, явно тяготеет к инновациям расчеловечивающего характера. Соответственно задачей капитализма является прямое расчеловечивание всех видов, в том числе с целью сокращения «избыточного» населения [7, с. 17].

Создание расчеловеченного человека, формирование деградационно-паразитических потребностей, их поощрение и создание соответствующей продукции для их удовлетворения — то, на что направлены современные инновации в значительной степени. Как справедливо отмечает И. Теняков, «осуществление “новых комбинаций” не означает непременно внедрения новых прогрессивных технологий и развития НТП, на что обычно указывается, когда разговор заходит об “инновационной экономике”, а если говорить по-русски — экономике нововведений. Возьмем в качестве примера Россию 1990-х гг.: разве мало было у нас нововведений, новых способов коммерческого использования товаров, реорганизации предприятий и целых отраслей, носивших, как правило, разрушительный характер без всякого созидания? А уж сколько “новых комбинаций” провернули в свое время “прихватизаторы всея Руси” в ходе дележа общенародной собственности? Но не дали такие инновации положительного результата ни для экономики, ни для населения, значительная часть которого очутилась вдруг за чертой бедности и вот уже почти 20 лет никак не может ее покинуть. А инновации тем временем идут: нововведения в здравоохранении, нововведения в образовании и других сферах. Инновации есть, рост экономики есть, а развития страны, повышения качества жизни — нет. Так что приходится констатировать — сами по себе инновации никакого развития, повышения уровня и качества жизни не обеспечивают, напротив — в ряде случаев оказывают разрушительное воздействие на благосостояние» [5, с. 117].

Эпоха модерна, предполагавшая интенсивное инновационное развитие, вела к некоторому улучшению благосостояния общества в целом не только в результате социального творчества народа, его попыток отстаивать свои

интересы и выстраивать более справедливое общество, но и в силу выгоды капитала улучшения жизни.

«И все же капиталистическая экономика развиваться без инноваций не может, однако ее развитие весьма специфично и подчинено вовсе не необходимости удовлетворять потребности большинства, не повышению качества жизни народа. Все это может происходить (а может не происходить) в ходе развития капитализма, подчиненного главной цели — самовозрастанию стоимости, которая определяет все стороны жизни общества — производство, потребление, жизнь и смерть. Конечно, в условиях конкуренции национальный капитал порой вынужден решать задачи национального развития, но едва мы снимем все ограничения на пути капитала, предоставив ему полную свободу действий, — мы увидим, что ни о каком национальном благосостоянии и развитии капитал заботиться не будет» [5, с. 117].

Следует отметить, что капитал хотя и пользуется тем, что не им создано, но не стремится хоть каким-либо образом компенсировать или воспроизвести присвоенное, идет ли речь о природе или о человеческой энергии. Идет ли речь о творчестве, стремлении иметь семью, героизме и т. д., капитал, не умея и не желая созидать проявления человечности, умудряется использовать лучшие человеческие проявления для извлечения прибыли. (Характерен пример превращения Че Гевары в высокодоходный бренд.) Кроме того, капитал виноват и в том, что пытается формировать утилитарную мотивацию и в материальном, и в духовном производстве, если ему так выгодно и удобно. В результате мельчают цели, иссякает пафос. В некотором смысле отсутствие в первую очередь духовных целей приводит к истощению творческой мотивации и готовности к аскезе, без чего не бывает подлинного преобразования. Деньги не могут являться основанием творческой мотивации, хотя их отсутствие или серьезная нехватка для удовлетворения сущностных потребностей могут погасить творческий порыв. И все же социальная атмосфера значит в конечном счете намного больше. Ведь то, что для современных «креаторов» выступает проявлением стесненных обстоятельств, для некоторых творцов прошлого было недостижимой роскошью, и трудности, которые преодолевали многие творцы прошлого, были несопоставимы с современными трудностями «креативных» гедонистов.

«История бесстрастно свидетельствует: рабочий класс, народ (прежде всего, конечно, в лице тысяч и тысяч стихийно появившихся стахановцев) самоотверженно создавали новые отрасли производства, инициативно ломали старые нормы выработки и приемы работы, овладевали техническими и экономическими знаниями, кратно (порой сто- и тысячекратно), ставя рекорды мирового значения, повышали выработку. Среди факторов совет-

ской трудовой симфонии 1930-х гг., восхищавшей многих выдающихся мыслителей того времени, начиная с А. М. Горького, на первое место, по видимому, надо ставить энтузиазм создания нового социального и духовного бытия с его прорывом к всеобщей грамотности и настоящему (не гламурному) книжному богатству, к настоящей (не попсовой) культуре, к первым полегчаниям материальной жизни, с надеждой, что дальше будет все лучше и лучше» [3, с. 90].

Кстати, следует отметить, что значительное замедление развития реальных прорывных технологий в мире связано с отделением материального от «постматериального» сектора, что наряду с отдельными тенденциями конвергенции духовного и материального производств формирует и обратные тенденции обесточивания материального производства, перенесенного в Азию. Более того, глобальный капитал выгадал себе за счет индийской и китайской рабочей силы возможность, увеличивая прибыль, не развивать технологии. В значительной мере это повлияло как на отток творческой интеллигенции из инженерных, технических специальностей, связанных с реальным сектором, так и на общее ухудшение благосостояния трудящихся и в развитых в том числе странах. Здесь необходимо уточнить, что и тенденции конвергенции духовного и материального производств осуществляются неоднозначно. В случае взаимодействия свободных форм духовного производства с материальным реально улучшается потребительная стоимость продукта, более того, зачастую создается продукт, являющийся одновременно продуктом как материального, так и духовного производства. В случае взаимодействия превращенных форм духовного производства с материальным происходят дематериализация и виртуализация стоимости продуктов через систему двойных отчуждений (Л. Булавка), ухудшение их качества.

Значительная часть инноваций в зависимости от общей направленности социального вектора и личного стремления творческого субъекта при всей полезности и значимости для развития не гарантируют отсутствие побочных эффектов от применения инновации, например, в случае, если нарушены временные рамки и область ее применения. Дуст, применяемый в сельском хозяйстве, считался панацеей, а спустя некоторое время выяснилось, что это крайне токсичное вещество было обнаружено даже в крови арктических пингвинов. Вакцины, спасавшие жизни множества людей, при неадекватном применении, которое навязывается для обогащения фармакологических компаний, не только приводят к существенному ухудшению иммунитета, но и несут риски здоровью и даже жизни. (При этом вакцинация зачастую осуществляется мировой элитой в странах третьего мира для контроля над рож-

даемостью и разрабатывается специально с целью вызывать бесплодие, а не спасать от болезней) [6, с. 35–41]. Значительная часть инноваций модерна существенным образом влияла на увеличение производительности труда, однако за счет не только снятия отчуждений в труде, но и возрастания и появления новых видов отчуждений (конвейерное производство, например, подчиняло и физиологические биоритмы человека). Высвобождение при этом времени и рост благосостояния не всегда компенсировали нарастание отчуждения в самом процессе производства. Более того, проблемы модерна были сопряжены с самоуверенной эксплуатацией природы, в том числе природы самого человека. Провозглашалась необходимость освобождения человека от физического труда. Многие виды деятельности, вырванные из контекста ценностной значимости, представляли как архаичные и репродуктивные. Вопрос не в том, что реального освобождения человека из всех форм отчуждения не произошло, что от физического труда освобождались в первую очередь граждане стран постиндустриального ядра, а в том, что отношение к труду изменялось к худшему во всем мире.

Здесь необходимо отметить еще один важный факт. Как правило, не было ни одной инновации, которая наряду с возможностями в результате ее применения не привела бы к редукции каких-либо человеческих качеств. Даже письменность как способ передачи информации вызывала беспокойство, притом у наиболее умных людей своего времени. М. Волошин, например, связывал многие проблемы цивилизации с тем, что человека окружают вещи серийного производства. Две с половиной тысячи лет назад китайский мудрец Чжуан-цзы уже говорил об опасностях, которые порождают машины, описывая реакцию старика, отказывающегося пользоваться механическими приспособлениями для орошения огорода. Он сказал: «От своего учителя слышал, что тот, кто использует машины, и сам выполняет свою работу как машина. У того же, кто выполняет свою работу, как машина, и сердце становится машиной, а тот, у кого в груди сердце, как машина, теряет свою простоту. Потерявший же простоту перестает понимать влечения своей души. А когда человек перестает понимать влечения своей души, ему нелегко остаться честным» [2, с. 7].

Ценностное восприятие земли, которое культивировалось у древних славян и продолжало существовать в православной традиции, скорее, сформированной не навязанным библейским проектом, а в значительной мере скорректированной почвенными ценностями, совпадавшими с ценностями христианского коммунизма (если брать во внимание не институциональную, огосударственную ипостась религии), предполагало, что возделывание земли — процесс, связанный с ее почитанием, актуализацией чувства Родины,

соединением времен и преемственностью поколений. Это объясняло нелогичное поведение крестьян с точки зрения целерациональности, арендующих землю, доходность которой ниже цены аренды.

При этом достаточно спорным является вопрос о том, что физический труд вообще убивает творческие способности, ведь некоторые выдающиеся люди считали его необходимым для нравственного воспитания и самовоспитания, формирования целостного человека. Вспомним, например, Льва Толстого. (Естественно, речь не идет об отупляющем и изнуряющем труде, не оставляющем времени для саморазвития.) Ценностное отчуждение в труде дополнительно создает предпосылки дезертирства из области напряженного и ответственного, что не способствует и творческому постижению мира, низводя творческие муки до необременительной игры. Это воплощено в «творческой деятельности» постмодерна. Многие виды деятельности могут восприниматься как репродуктивные или творческие в зависимости от личностного аксеологического восприятия. Тривиален вопрос о том, строит человек Храм или просто кладет камни. Более того, труд, посвященный уходу за маленькими детьми, больными, всегда будет таков, что его нельзя будет автоматизировать и технизировать. Но нужно ли вообще к этому стремиться? Мать, множество раз подряд изо дня в день меняющая пеленки своему ребенку, испытывая усталость, разве не может ощущать одновременно огромную радость от постоянного прикосновения к своему малышу? Материнские прикосновения в синкретическом единстве для ребенка являются и источником физического, психологического, духовного развития.

Естественно, что отчуждения в процессе труда, проанализированные К. Марксом, действительно существуют и сохраняют свою актуальность, но возникают и иные серьезные проблемы, новые постмодернистские системы отчуждений. И это не только отчуждение труда от капитала и капитала от труда. Онтологическая неправда, о которой неоднократно писал А. Субетто, — подменить представление об основе развития, которой является труд, представлением о главной созидательной общественной силе — капитале. Учитывая, что инновации в системе образования связаны с активным тиражированием этой онтологической лжи в сочетании с массой иных расчеловечивающих инноваций в области информации, привели к тому, что в общественном сознании труд перестал быть не только стоимостеобразующей деятельностью, но и тем, к чему не надо стремиться, и наоборот, чего надо всячески избегать. Советский лозунг о том, что любой труд — почетен, сменился буквально на противоположный: желательна та работа, где можно много получать без труда. Здесь можно сделать определенные промежуточ-

ные выводы о том, что установки модерна на эмансипацию человека и освобождение его от физического труда определенным образом повлияли на освобождение человека от человеческого в нем. Кроме того, они привели не к замене физического труда творчеством, а к утрате физическим трудом ценностного значения и распространению превращенной формы творчества — спонтанной деятельности, характеризующейся неалгоритмичностью и отсутствием продукта в качестве подлинной, не вмененной общественной ценности, с содержанием новой информации на уровне особенного или всеобщего. Инновации, осуществляемые в модерне в сфере производства, наряду со смягчением или преодолением отчуждений в труде дополнительно формировали и новые отчуждения. Рост производства требовал инноваций во всех сферах, а отношение к природе как к складу полезных вещей создавало дополнительные предпосылки для негативных последствий ряда инноваций как для духовной, социальной и биологической природы человека, так и для окружающей среды.

Если анализировать другие виды отчуждений, влияние на их формирование различных социальных инноваций, то можно упомянуть и Дж. Кейнса с его стимулированием потребления. Действительно, озабоченность тем, что рост доходов опережает рост потребления, была понятна с точки зрения актуальной на тот кризисный период времени ситуации, однако, с другой стороны, то, что нормальность человеческой природы, не искаженной вмененными потребностями, не соответствовала требованиям капиталистической экономики, привело к изменению человека не в лучшую сторону. Так возник существенный задел для массового формирования потребительства и вещизма, который в постмодерне оформился как символическое потребительство. Эта социальная инновация, таким образом, нанесла человеческой природе колоссальный урон. «Инновационизм нельзя сводить к голой техничности. Он предполагает вывод нового товара на рынок, спрос на них. Для этого в них должна быть потребность, и главная проблема инновационной экономики не в том, что не хватает новаций, а в том, как выявить или создать, при(на)думать новые потребности. Прежние теоретики будущего были озабочены проблемой нехватки материальных благ для удовлетворения потребностей человека и заботились, как их ограничить, выделив “разумные”. О том, какие потребности считать разумными, а какие нет, написаны горы книг. Ирония судьбы в том, что теперь проблема не в нехватке благ, а в нехватке потребностей. “Потребность в потребностях”. Нынешние “форсайт-технологи” обсуждают и заботятся о том, как увеличить их количество. Отсюда и “потребительское общество” с их маркетинговой религией» [4, с. 69].

Система социально-экономических и духовных отчуждений, взаимосвязанных с самоотчуждениями, поддерживаемая социальными и эконо-

мическими инновациями, работает по нарастающей. Значительная часть системы отчуждений — самоотчуждений в сфере духовного производства и всей сферы социально-трудовых отношений связана с распространением сетевых структур, которые имеют и позитивное, и негативное социальное измерение. О первом варианте написано очень много — это и гибкий рабочий график, и расширение границ свободного времени, и более демократические формы организации. Однако при сетевых структурах подобный вариант реализуется в случае ее самоорганизации независимыми субъектами и осуществления ею деятельности гуманного, социального характера. Если деятельность осуществляется в сфере превращенных форм духовного производства, инициирована капиталом, то ко всем видам отчуждения и самоотчуждения в труде, описанных К. Марксом, добавляется отчуждение через масштабное наступление на свободное время. Во-первых, только по внешнему признаку подобная организация более демократична, а по сути еще более тотальна, чем классическая иерархическая структура (в ней по крайней мере была четкая граница между свободным и рабочим временем). Во-вторых, в такой структуре вследствие стирания границы между рабочим и свободным временем формируется превращенная форма свободного времени, в которой осуществляется не развитие целостного человека, а форматирование его по параметрам, заданным капиталом, притом не только в производственном процессе непосредственно, но и за его пределами. По сути все процессы со знаком «плюс», о которых восторженно пишут адепты либертизма, в превращенных формах духовного производства происходят как противоположные. Свободное время замещается отчужденным, границы отчуждения все более наступают на все виды деятельности, самостояния и реальной свободы.

Выбор в скрытой или явной форме все чаще осуществляется за человека. (Во многих фирмах определяют, как и где человек должен одеваться, где жить, где и с кем отдыхать, где приобретать продукты. Детекторы лжи, видеонаблюдение на рабочем месте, обязательные тренинги из серии «поверьте сами, что та гадость, которую вы предлагаете другим, самое лучшее на свете» и т. д.) Кроме того, через систему духовного производства осуществляются отчуждение от природы и самоотчуждение от природного себя и отчуждение — самоотчуждение от бытия. Отчуждение от природы происходит, с одной стороны, за счет «нового огораживания», трансформации общественной собственности в частную (леса, пляжи, парки); а с другой — за счет информационной политики борьбы с природным в человеке и его среде обитания. Что касается отчуждения человека от природы путем ее рыночничивания и «очастничивания», то этот процесс выступает отчуждением и для тех, у кого отчуждается природа (даже бедность приобретает допол-

нительное измерение, становясь тотально расчеловечивающей), и для тех, кто отчуждает. Ведь и отчуждающие оказываются в роли отчужденных. С одной стороны, тот, кто приобрел кусок побережья в частную собственность, вроде бы сделал природу своим органическим телом, однако, с другой стороны, выступая для него в качестве продаваемой, покупаемой, природа теряет свои многомерные ценностные измерения. Для того чтобы человек пользовался огромным арсеналом фармацевтической, косметической и прочей продукции, он должен регулярно убеждаться, что без дополнительных, искусственных средств он недостаточно хорош. Естественно, что нет ничего плохого в том, чтобы исправлять без вреда для здоровья дефекты. Более того, некоторые дефекты вредят и здоровью, и социальной адаптации, но огромное количество людей постоянно становятся жертвами именно навязанных глобализмом стремлений любой ценой заменить естественное в себе и окружающей среде искусственным. (Показательна в этом плане телевизионная реклама, где демонстрируется дом, окна которого выходят на хвойный лес, но в котором пользуются хвойным освежителем воздуха. По мысли создателей сего рекламного шедевра, видимо, это должно означать, что данный продукт лучше настоящего хвойного аромата, а по сути показывает степень отчуждения от природы.)

Проблемами отчуждения от бытия наиболее комплексно и системно (не имея в виду только социально-экономическое измерение), на наш взгляд, занимается В. Кутырев, который по поводу инноваций отмечает следующее: «Чтобы стать инновациями, новации должны проходить жесткие социально-гуманитарные фильтры. Базовая мировоззренческая установка для устройства и при функционировании таких фильтров: сначала надо быть, а потом меняться; развиваться надо для того, чтобы быть» [4, с. 75]. Искусственность человека и его окружения очень удачно дополняются виртуализацией, что делает системы отчуждения — самоотчуждения от природы и бытия не просто взаимосвязанными, но и взаимовложенными.

«Мы все-таки склонны назвать инновациями глубинные качественные изменения в социально-экономической жизни обществ, хотя понимаем, что крупные новшества практически всегда имеют и “обратную сторону”, а то и косвенный негативный результат. Экономическая жизнь вообще противоречива и неоднозначна. Всякое новое благо предполагает не только новое качество жизни, удовольствие или безопасность, но и определенные жертвы. Не нами замечено, и теперь хорошо известно, что в течение прошлого века великим благом был переход к использованию в домашних хозяйствах электричества, централизованного водоснабжения, канализации. Такие события в корне меняли технологию ведения домашнего хозяйства. Однако в конечном

итоге во многом именно совокупность таких инноваций, экономящих время в быту, способствовала радикальному изменению к худшему демографического поведения семей, прежде всего женщин. Высвободившееся время женщина смогла использовать для более интересных и оплачиваемых занятий вне дома. Внимание переключилось на внешние формы жизни вне дома. Стало не до детей!» [1, с. 39].

Не совсем разделяем мнение процитированного автора в отношении комфорта цивилизации как основного фактора, определившего изменение демографической ситуации. Все-таки более значительное влияние оказала целенаправленная, в том числе инновационная, политика формирования послушного, внушаемого и управляемого гедониста-потребителя. Зачастую женщины, стремясь освободиться от бытовой рутины, выбирают не менее рутинную работу, к тому же не имеющую социальной полезности, чтобы приобретать вещи, облегчающие ведение домашнего хозяйства. Но значительную роль в этом играет и социальная политика, вынуждающая отказываться от детей в силу реальной нехватки средств.

Выйти из ситуации, при которой на рынок продвигаются выгодные капиталу, нередко расчеловечивающие инновации при абсолютной невозможности развития реально созданных, очеловечивающих, но не выгодных капиталу инноваций, в рамках капиталистической системы практически невозможно. Без активной ценностной и гражданской позиции трудящихся, их самоорганизации, понимания и настойчивости рассчитывать на то, что инновационная политика примет иное измерение, не приходится.

«Развитие управляемо, контролируемо, если оно с рефлексией, если у него есть цель и субъект. Это значит, что любая инновационная деятельность должна отслеживаться по последствиям и параметрам влияния на человека, быть обдумываемой и оцениваемой. У сторонников внедрения того или иного изобретения должны быть обязательно критики, оппоненты, ибо ни один продукт современной технoнауки не является однозначно положительным. Они все, даже если не брать открыто авантюрные и непосредственно патологические — амбивалентны “по определению”, поскольку инновационная деятельность вышла за пределы феноменологической реальности и стала постчеловеческой. Приводить ее к мере человека — задача более актуальная, ответственная и сложная, чем внедрять нарастающее как цунами, количество сомнительных, неясных и непредвиденных по последствиям инноваций» [4, с. 77].

Выводы. В силу ограниченности знаний человека о последствиях внедрения инноваций этот процесс противоречивый и в значительной степени амбивалентный. Кроме необходимости понимания формирования инновацион-

ных толчков, нужно понимать и стратегические последствия инноваций. Снятие противоречия между всеобщим характером инновационного процесса и его направленностью в интересах глобализма транснационального капитала является одной из самых важных задач современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов Р. М. Мода на инновации / Р. М. Гусейнов, В. А. Семенихина // Философия хоз-ва. — 2008. — № 2 (56). — С. 34–46.
2. Информационная эволюция: в кого мы превращаемся? // Открытия и гипотезы. — 2012. — № 3 (121).
3. Корняков В. И. Инновационная экономика «плана Путина» как экономика новаторов / В. И. Корняков // Философия хоз-ва. — 2008. — № 3. — С. 86–92.
4. Кутырев В. А. Модернизация против безумного инновационизма — за контролируемое развитие / В. А. Кутырев // Философия хоз-ва. — 2011. — № 2. — С. 66–77.
5. Теняков И. М. Инновации и развитие: философско-хозяйственный подход / И. М. Теняков // Философия хоз-ва. — 2008. — № 3. — С. 116–120.
6. Скороходов В. Правда и ложь о прививках / В. Скороходов // Контрольный выстрел. — 2012. — Февр. — С. 35–41.
7. Субетто А. И. Ноосферная теоретическая экономия — основание экономики цивилизаций в XXI веке (часть первая) / А. И. Субетто // Вестн. Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. — 2010. — № 921. — С. 8–23.

СУПЕРЕЧНОСТІ, ЦІЛІ, СУБ'ЄКТИ ТА НАСЛІДКИ ІННОВАЦІЙ

Броницька В. В.

Інновації через обмеженість людських знань можуть викликати непередбачені наслідки. Необхідно впливати на соціально-економічну структуру суспільства з метою запобігання негативним наслідкам інновацій.

Ключові слова: інновації, суперечності, модернізація, ноосферизм.

CONTRADICTIONS, OBJECTIVES, SUBJECTS AND THE CONSEQUENCES OF INNOVATION

Bronitskaya V. V.

Innovation because of the limitations of human knowledge, Kogut cause unintended consequences. Should influence the sotsialno-economic structure of society in order to prevent negative consequences of innovation.

Key words: innovation, controversy, modernization, noosferizm.